

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР СЕКТОРА ЭТИКИ

5 марта 2013 – 16:00



А.В. Прокофьев

Реплика в обсуждении доклада О.П. Зубец «Нужен ли друг самодостаточному (об идее морального субъекта в этике Аристотеля)»

Я хотел бы сказать несколько слов по поводу позиции Х.Арендт в отношении вопроса о той роли, которую играет другой человек для морального деятеля (как в сугубо ценностном, так и в коммуникативном аспекте). В докладе Ольги Прокофьевны присутствует тезис: «Арендт утверждает что «моральное поведение строится на общении человека с самим собой» – и именно таково понимание морали Аристотелем и Кантом... Арендт повторяет и повторяет ту мысль, что мораль затрагивает индивида в его единичности (так в переводе, но точнее было бы сказать – единственности): для морали важно, что я решу относительно себя, а не то, что я разделяю с окружающими».

Этот тезис точно передает определенную структуру мысли и фрагмент аргументации Арендт. Однако эта структура мысли и этот фрагмент находятся в определенном контексте, обсуждение которого, как мне представляется, ставит перед докладчиком дополнительные интерпретационные задачи. То, что именуется в докладе просто «моралью у Арендт» – это, скорее, «мораль сократовского типа у Арендт». Она названа так в основном в связи с мнением Сократа, что терпеть несправедливость лучше, чем творить несправедливость, и обсуждается как вполне определенный и ограниченный нравственный феномен. Ограниченность имеет два аспекта. Они обладают разной весомостью для нашего сегодняшнего разговора:

1. По ходу обсуждения морали сократовского типа в «Некоторых вопросах моральной философии» мы видим постоянные оговорки про существование того, что в других работах Арендт именуется «политической этикой». Это тоже часть предельных оснований человеческого существования. Ее фундаментальные добродетели: способность держать обещания и умение прощать. Выведение политической этики за пределы морали требует специального обоснования, которое, на мой взгляд, вряд ли может быть убедительным. Я бы сказал, что это органичная часть морали, которая требует исследования в качестве таковой.

Сократовская мораль не выступает у Арендт в качестве приоритетной по отношению к политической этике. И даже более того, она превращается в ее реальную альтернативу только в те кризисные моменты, наступление которых не зависит от самого морального деятеля. А именно – в моменты, когда все возможности политической коммуникации исчерпаны, не возможна коллективная реализация решений, связанных с ней, остается открытой одна лишь перспектива индивидуального отказа от участия в порочных общественных практиках. Такова, например, ситуация человека перед лицом тоталитарной диктатуры. Однако и здесь Арендт не категорична, поскольку оценка своего политического бессилия – это субъективный вопрос.

Существенно, что в работе «Коллективная ответственность» присутствует отчетливо выраженный тезис, что нравственной чистотой, как она понимается в перспективе

сократовской морали (то есть способностью жить в согласии с самим собой как незапятнанной личностью, возможностью не презирать себя, быть в мире с самим собой), необходимо жертвовать, если сохраняются возможности для коллективного действия. В «Некоторых вопросах моральной философии» ту же роль играет апелляция к Макиавелли, которого «Флоренция интересует больше, чем спасение души» (что, кстати, делает его «важной фигурой в моральной (а не политической – А.П.) философии»), к рассуждению о том, что с точки зрения политики сократовская мораль есть безответственность и т.д. и т.п.

2. Даже внутри морали в тесном смысле слова сократовская мораль занимает ограниченное пространство. Она представляет собой логику выявления того, что *нельзя* делать. А Х.Арендт хорошо понимает, что кроме этого человеку необходимы ориентиры, касающиеся собственно действия – *позитивного поступка*. Это гораздо более существенный момент для обсуждения сегодняшнего доклада, поскольку в нем из общения с самим собой в конечном итоге вырастает все, на что ориентируется «человек поступающий». Итак, Арендт задается вопросом о том, как можно мыслить не правильное моральное бездействие, а правильное моральное (именно моральное, а не политическое!) действие. На этом этапе рассуждения она вынуждена расстаться с моралью сократовского типа. В качестве образца этики действия она рассматривает христианскую, вернее, евангельскую этику. Здесь Арендт концентрируется на феномене воли и связанном с ней *отказом от самого себя* – самоотверженности. Позиция человека действия, по крайней мере, в одном из фрагментов отождествляется ею с общим интересом.

В дальнейшем Арендт осуществляет и следующий шаг в сторону от сократовской морали. Для понимания морали на ее позитивном срезе, раскрывая разные основания самоотверженности морального деятеля, она обращается к кантовскому учению об «эстетическом поведении». В своей эстетике, по словам Арендт, Кант рассматривал людей «в их множественности, как живущих в сообществе». Вынесение эстетических суждений предполагает, по Канту, выяснение оценок, высказываемых другими людьми, и постоянное общение с ними по поводу высказываемых ими оценок. Этот взгляд соответствует важной составляющей морали. Человек, руководствующийся ею, «рассматривает и ведет себя не как *охватывающий своей самостью весь мир*, а как *гражданин мира*» (Кант, цитируемый Арендт). В этой сфере важную роль играет не только соотношение своих и чужих оценок, но и осмысление индивидуализированных примеров или образцов, задающих стандарты нравственного поведения (что также отстоит довольно далеко от идеи единичности или единственности). В целом этот аспект морали следует назвать коммуникативным (коммуникативной является и политическая этика).

Своим экскурсом в философию морали Х.Арендт я не пытаюсь наложить какие-то ограничения на со-мышление, являющееся основным приемом, на основе которого построен сегодняшний доклад. Я просто хочу сказать, что использование какого-то мыслителя в качестве союзника накладывает определенные обязательства, связанные как с обоснованной солидаризацией, так и с обоснованным размежеванием с ним. Если имеет место солидаризация, и она является частичной, то нельзя избежать размежевания. Нужно иметь в виду, что с n-ой страницы «Некоторых вопросов моральной философии» Арендт перестает быть союзником концепции поступающей единственности и превращается в ее оппонента. А это предполагает отклик на вопросы, почему следует использовать ее понимание моральной функции мышления, но не ее понимание природы действия и суждения, почему те нити,

которые для Арндт связывали разные части ее воззрений можно разорвать? Думаю, что и в отношении Аристотеля необходима такая же аналитическая работа.

Точная ссылка на данный материал:

http://iph.ras.ru/uplfile/ethics/seminar/05_03_2013/Prokofiev.pdf